

ИЗ ИСТОРИИ СОБЫТИЙ

С. И. МУРТУЗАЛИЕВ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ГЕНЕРАЛА Н. Н. МУРАВЬЕВА В ЕГИПЕТ И ТУРЦИЮ

Речь идет о дипломатической миссии генерала Н.Н. Муравьева-Карского, который не только предвосхитил заключение перемирия между Османской империей и египетским пашой Мехмедом-Али, позже оформленное при посредничестве французов, но и подготовил принятие оборонительного Ункяр-Искелесийского союзного договора 1833 года. Мемуары генерала убеждают в том, что помощь Турции была оказана по просьбе султана. Доводы Муравьева об отсутствии надежных гарантий безопасности Черноморского побережья представляются вполне обоснованными.

Ключевые слова: Ункяр-Искелесийский договор, дипломатия, Н. Муравьев, мемуары.

Россия и Турция сложились как державы, воспринимавшие с большим или меньшим успехом политические и культурные традиции, как Европы, так и Азии. Россия и Турция – евразийские государства, расположенные между Востоком и Западом, связанные многовековой и весьма непростой историей взаимоотношений, в арсенале которых около десяти русско-турецких войн. Давая общую характеристику их взаимоотношений, Харлампий Политидис (член президиума Конгресса национальных объединений России) замечает: «Обозревая пятивековую историю русско-турецких отношений, можно уверенно заявить, что их интересы полярно-антагонистичны по, во-первых, – геополитической сущности, во-вторых, частично, – в культурно-религиозном аспекте, ибо Балканы, Кавказ и Крым в геополитическом смысле – буферные зоны и могут быть в сфере влияния и контроля либо Великой Русской равнины, либо Анатолии (касательно Балкан, Кавказа и Крыма); либо Иранского нагорья (касательно Кавказа и Крыма и в меньшей степени Балкан)»¹. Обе державы – Россия и Турция – претендовали и на политическое, и на духовное главенство. В основе противоборства лежали не только территориальные претензии, но и стремление каждой из сторон утвердить свою ведущую роль в судьбах православного христианства или мусульманского мира.

Вместе с тем в истории взаимоотношений этих евразийских империй известны и периоды, когда они объединялись для борьбы с общим противником, к примеру, русско-турецкий союзный договор 1799 года,

¹ Харлампий Политидис. Русско-турецкое противоборство...

в 1804–1805 гг. они вновь объединились ввиду угрозы французской агрессии, исходившей от Наполеона. Во время египетского кризиса 1831–1833 гг. император Николай I активно поддержал султана Махмуда II против взбунтовавшегося египетского паши Мехмеда (Мегмет, Мухаммед, Муххамед)-Али, заключив оборонительный союз, вошедший в историю как Ункяр-Искелесийский договор 1833 года.

Договору предшествовало обострение отношений между Египтом и Турцией. В 1832 г. правитель Египта Мехмед-Али-паша восстал против своего повелителя султана Махмуда. Египетские сухопутные войска разбили турок под Гомсом и стали продвигаться в Анатолию. Турецкая эскадра была блокирована египетским флотом. Усиление Египта было не в интересах России. Для урегулирования военного конфликта Николай I посылает генерала Н.Н. Муравьева-Карского, известного своей смелостью, решительностью и хорошим знанием восточных языков.

I. Рассматривая проблемы, связанные с российско-турецкими отношениями в XIX в., нельзя обойти молчанием такую неординарную и сложную личность как генерал Н.Н. Муравьев, который не только предвосхитил заключение перемирия Османской империи с египетским пашей Мехмедом-Али, но и подготовил принятие оборонительного союза 1833 г. между Россией и Турцией. Вывести его из исторической тени тем более важно, что генерал не был избалован особым вниманием советских историков. Он, вероятно, «не дотягивал» до декабристов, хотя и симпатизировал им (в 1836 г. за критику порядков в армии и покровительство сосланным декабристам он подвергся опале и на некоторое время был уволен), но в заговоре против царя не участвовал. Муравьев был сторонником ликвидации крепостного права, человеком прямолинейным и резким. У генерала были сложные отношения со всеми тремя государями, при которых он служил за веру, царя и Отечество, ставя последнее на первое место. Дважды прославился во время взятия турецкой крепости Карс (1828 и 1855 гг.), за что ему был пожалован графский титул и почетная приставка к фамилии – «Карский».

Жизненный путь Муравьева можно сравнить с приливами и отливами – его лишали генеральского звания и награждали высшими наградами, за ним вели негласное наблюдение и приближали ко двору, отправляли в отставку, но спустя десять лет, возвращали на службу, назначая заместителем Кавказа (1854) и главнокомандующим Кавказским фронтом во время Крымской войны 1853–1856 гг. Он не умел приспособливаться, выслуживаться. Муравьев был одним из самых образованных генералов своего времени, знал восемь языков, составил для Грибоедова турецкую грамматику. Признавал суворовскую школу вой-

ны, отказался от муштры, запретил телесные наказания, сам рыл окопы с солдатами, первым шёл в штыки и изгонял из армии карьеристов. О нём восторженно писали Пушкин и Грибоедов, а Денис Давыдов, с которым Муравьев не раз ходил в атаку, считал его своим другом. Муравьев был укором и генералитету, и светскому обществу, его он, не скрывая, ненавидел, а оно платило ему той же монетой. В 1856 г. Муравьев вышел в отставку в звании генерала от инфантерии (последняя должность перед фельдмаршалом), членом Госсовета и с репутацией в свете «несносного генерала» и вольнодумца².

Выйдя в отставку Муравьев поселился в своем имении Скорняково (Архангельское) Задонского уезда Воронежской губернии, где, «во многом подражая Суворову, ... вел жизнь регулярную, простую, избегая всякой роскоши...»³. Здесь он дополнил и закончил свои «Записки» и книгу «Русские на Босфоре в 1833 году»⁴, которая является главным объектом нашего внимания. Поскольку в книге Муравьева события датированы по старому стилю, в скобках они приводятся по новому стилю.

В предисловии к книге указано, что Муравьев с ранних лет привык вести дневники. Основываясь на записях важнейших эпизодов своей служебной деятельности, «он распространял потом (эти «эпизоды». – С.М.) ... в отдельные большие сочинения», какими являются и мемуары «Русские на Босфоре», изданные с подлинной рукописи. Книга «была приготовлена к печати самим автором и не вышла в свет при его жизни единственно потому, что встретила препятствия внешние»⁵. Одной из причин этого могли быть резкие и нелестные суждения автора о некоторых упоминаемых в тексте сановных лицах и т.п.

Для более полной характеристики приведем еще несколько фактов из послужного списка Николая Николаевича Муравьева (14 июля 1794 – 23 октября 1866) – военачальника, государственного деятеля и путешественника, генерал-адъютанта (1833) и генерала от инфантерии (1853). Военную службу он начал в 1811 г. До начала Отечественной войны 1812

² Орлов, Георгиева, Георгиев. 2012. С. 333-334; Герой до востребования...

³ *Europeus*. 1874. С. 181-184.

⁴ Муравьев является автором нескольких книг. Сам он успел напечатать «Путешествие в Туркмению и Хиву 1819 и 1820» (2 ч., М., 1822), которая была переведена на французский (Париж, 1823), немецкий (Берлин, 1824) и английский (Лондон, 1823) языки. После смерти Муравьева его дочь, А.Н. Соколова, издала его записки в «Русском архиве» (1855–1893), а зять его, Г.А. Чертков, издал сочинения: «Турция и Египет 1832–33» (М., 1869 и 1870–1874); «Русские на Босфоре в 1833 году» (1869); «Война за Кавказом в 1855 году» (2 т.; СПб., 1876).

⁵ Русские на Босфоре в 1833 году... Далее в основном тексте в скобках будут указываться только страницы.

г. увлекался масонством и был одним из организаторов преддекабристских обществ: «Юношеского собратства» и «Священной артели». Совместно с Муравьевым-Апостолом, Перовским и другими лицами разработал устав республики, которую они планировали основать через пять лет на Сахалине. Участвовал в Отечественной войне 1812 г., заграничном походе русской армии в 1813–1814 гг., в 1819 и 1821 гг. возглавлял экспедиции, обследовавшие Юго-Восточное побережье Каспийского моря; провел топографические исследования в Хиве и Бухаре (1819–1820); участвовал в Русско-иранской войне 1826–28 гг., Русско-турецкой войне 1828–29 гг., в подавлении Польского восстания 1830–31 гг. В ноябре 1832 г. Муравьев был направлен императором Николаем I на Ближний Восток (в Константинополь и Александрию) для оказания дипломатической помощи турецкому султану Махмуду II в период обострения отношений между Турцией и египетским Мехмед-Али-пашой.

II. События 1831–33 гг. освещаются в историографии с разных позиций. В коллективной монографии советских историков по «Восточному вопросу»⁶ указывается, что, не получив поддержку в Лондоне и Париже, «турецкое правительство обратилось за помощью к России (Муравьев же пишет о личной просьбе султана, тогда как многие министры не одобряли это решение. – С.М.), с которой у Порты с 1830 г. сложились добрососедские отношения. Россия, заинтересованная в сохранении слабого соседа, не могла допустить создания на развалинах Турции молодого и сильного государства», возглавляемого Мухаммедом Али. Император Николай I направляет Н.Н. Муравьева с поручением склонить пашу к миру «на приемлемых для Порты условиях и в случае необходимости сделать все возможное для предотвращения наступления египетских войск на Константинополь. ...После поражения султанской армии при Конье, несмотря на противодействие западных держав, в феврале Порты официально обратилась за военной помощью к России». Авторы книги отмечают, что в обширной западной историографии, посвященной Ункяр-Искелесийскому договору, «предпринимались усилия доказать, что Россия навязала Турции это соглашение (см. ниже о зарубежной историографии и точке зрения самого Муравьева. – С.М.), используя присутствие русских вооруженных сил на Босфоре. Эта концепция... убедительно опровергнута советскими историками. Идея оборонительного союза исходила от Турции». Договор «был высшей точкой дипломатических успехов России на Ближнем Востоке. Он предоставлял надежные гарантии безопасности Черноморского побережья (см. ниже три довода

⁶ Восточный вопрос во внешней политике России... С. 96–102.

Муравьева против этого мнения. – С.М.), усиливал позиции России в Турции и повышал ее престиж в Константинополе. Соглашение 1833 г. укрепляло международные позиции Порты, защищало ее от нового нападения Мухаммеда Али и позволяло вплотную заняться внутренними преобразованиями. ...Ункяр-Искелесийский договор ознаменовал новый период в развитии русско-турецких отношений».

Более лаконичен изложение дает Ю.А. Петросян⁷. Опасаясь захвата Стамбула и падения османской династии, «Махмуд II решил принять предложенную российским императором... военную помощь. В феврале 1833 г. в Босфор вошла русская эскадра... под общим командованием адмирала П.М. Лазарева». Муравьева автор не упоминает. «Политические позиции России в Османской империи были серьезно укреплены подписанием... русско-турецкого союзного договора» 1833 года.

Н.Г. Киреев пишет: «лишь Россия выступила в защиту целостности Османской империи. Это решение диктовалось, с одной стороны, общей политической линией русского правительства на сохранение устойчивости Турции, с другой – стремлением укрепить русско-турецкие отношения и усилить русское влияние в Константинополе. На Ближний Восток Николай I спешно послал своего генерал-адъютанта Н.Н. Муравьева (ошибка: это звание Муравьев получил уже после заключения договора) для вручения ультиматума (у генерала речь идет только об устном изъяснении воли царя – С.М.) египетскому паше с требованием прекратить поход на Константинополь. Вслед за этим в Босфор прибыл 30-тысячный русский отряд для защиты турецкой столицы. Только после этого европейские государства потребовали от Египта договориться с Турцией (что и произошло в 1833 г.), одновременно они стали настаивать на выводе русских войск с берегов Босфора. Несмотря на это, турецкое правительство, напуганное египетской агрессией, предложило России заключить союзный договор о дружбе и взаимопомощи. ...Ункяр-Искелесийский договор был крупным успехом русской дипломатии на Ближнем Востоке. Он на некоторое время ослабил влияние западноевропейских держав в Турции и усилил русские позиции в Константинополе»⁸.

А.Б. Широкопад рассматривает историю взаимоотношений между Россией и Турцией в 1830-х гг. в главе 18-й, которая почему-то озаглавлена: «Адмирал Лазарев спасает Махмуда II»⁹, тогда как спасением султана весьма активно занимались несколько человек, которые упоминают-

⁷ Петросян. 2003. С. 283.

⁸ Киреев. 2007. С. 34-35.

⁹ Широкопад. 2009. С. 242-246.

ся самим историком. Автор пишет, что, не получив поддержки в Англии и Франции Махмуд II, «обратился к своим старым врагам – русским». 15 ноября 1832 г. контр-адмирал Лазарев был назначен командующим готовящейся для похода в Константинополь эскадры. «24 ноября... русскому посланнику в Константинополе А.Л. Бутеневу было отправлено царское повеление, в котором указывалось, что если султан попросит помощи со стороны России, то Бутеневу предоставляется право требовать от адмирала Грейга немедленной посылки в Константинополь Черноморской эскадры. ...21 января 1833 г. турецкое правительство обратилось к... Бутеневу с просьбой поспешить с присылкой эскадры. Турки также просили доставить на эскадре в Константинополь три-пять тысяч солдат. 1 февраля... Лазарев получил письмо от Бутенева с требованием как можно скорее прибыть», и 8 февраля эскадра вошла в Босфор. «Немедленно к Лазареву прибыли представители Махмуда II и попросили увести эскадру в Сизополь, где и оставаться в полной готовности оказать султану помощь. ...турецкое правительство даже предложило Бутеневу вывести эскадру «в угоду французскому посланнику». Муравьев упомянут всего один раз в связи с тем, что «31 марта 1833 г. военный министр Чернышев предписал командующему десантными войсками генерал-лейтенанту Муравьеву в случае движения египетской армии к Константинополю занять два укрепленных пункта в проливе, защищающих с европейского и азиатского берегов вход в Черное море. Эти пункты надлежало укрепить, оставив в них по 1000 человек. Остальную часть десантного отряда предполагалось использовать для обороны Константинополя совместно с турецкими войсками»¹⁰. (Стоит сразу заметить, что свои действия по осуществлению предписанного, Муравьев описывает весьма подробно и живо, но эту сторону его деятельности мы оставляем «за кадром».) Далее Широкопад сообщает, что параллельно с переговорами с египетским «Мегметом-Али султан вел переговоры со специальным посланником русского императора А.Ф. Орловым. Эти переговоры закончились подписанием 26 июня 1833 г. Ункяр-Искелесийского договора», который носил оборонительный характер, а «наиболее важное для России условие содержалось в «отдельной и секретной статье... договор был... дипломатической победой России. Однако вопрос о свободном проходе Проливов русскими военными кораблями опять остался открытым»¹¹.

Интересующие нас сюжеты подробно освещены В.Н. Виноградовым, который отмечает, что «Николай I предвидел распад турецкой дер-

¹⁰ Там же. С. 242-243.

¹¹ Там же. С. 244-245.

жавы и жаждал его ускорить (ср. с изложением Муравьева. – С.М.), но он должен был происходить под его наблюдением и к его выгоде». Для этого и направляет генерала, которому удастся добиться у Мухаммеда Али приказа о прекращении наступления его армии. Однако продвижение войск продолжалось. «Они заняли Кутахью и приблизились к Брусе (Бурсе)». Не получив поддержку у Лондона, «султан обратился за помощью к России. Он просил прислать отряд в 25-30 тысяч штыков и эскадру», которая 8 (20) февраля 1833 г. бросила якорь в Босфоре у Буюк-Дере. Тем временем Ибрагим (сын египетского паши. – С.М.) сместил турецкие власти в Смирне (Измире), показав тем самым, что собирается обосноваться там всерьез и надолго. 26 марта (7 апреля) на Босфор прибыла вторая морская дивизия (11 вымпелов) с десантом на борту. На азиатском берегу пролива, в местечке Ункяр-Искелези расположился 10-тысячный отряд пехоты. Мухаммед Али признал свой проигрыш». В мае в Стамбул прибыл генерал Алексей Федорович Орлов для руководства всеми дипломатическими, а в случае нужды и военными операциями. Султан и министр «признавали, что царские войска избавили столицу от нашествия и выражали желание оставаться под их защитой». Подписание Ункяр-Искелесийского российско-турецкого оборонительного союзного договора В.Н. Виноградов сравнивает с взрывом дипломатической бомбы¹².

В «Истории Балкан», найдено очень точное название раздела: «Обманчивый блеск Ункяр-Искелесийского договора»¹³, в котором автор раздела В.Н. Виноградов пишет: «эйфория по поводу подписания Адрианопольского мира продолжалась в царском окружении недолго. ...самодержец “после Адрианополя” сдал в архив свою наступательную политику на Балканах», но «в искренность клятв царя, что он не подталкивает Османскую империю к гибели, никто не верил». В результате конфликта между турецким султаном и правителем Египта «Восточный вопрос вновь встал в повестку дня “концерта держав”». В случае утверждения Мухаммеда Али в Стамбуле на границах Российской империи вместо «тяжело больного» появился бы сильный и беспокойный сосед¹⁴. Царь направил в Константинополь и Александрию Н.Н. Муравьева, которому «удалось добиться у Мухаммеда Али издания приказа о прекращении наступления его армии. Но, то ли из-за медлительности тогдашних средств сообщения, то ли по злой воле, продвижение войск продолжа-

¹² Виноградов. 2010. С. 262-264.

¹³ История Балкан. Век девятнадцатый... С. 424-443.

¹⁴ Там же. С. 426-428.

лось». При содействии французской дипломатии в ставке Ибрагима в Кютахье было заключено египетско-турецкое перемирие.

В.Н. Виноградов верно отмечает тот факт, что надежды российского МИДа и лично Нессельроде на то, что Ункяр-Искелесийский договор «раз и навсегда положит конец колебаниям Турции» в выборе союзников и что «Восточный вопрос закрыт...» вскоре «полетели кувырком... На исходе срока действия Ункяр-Искелесийского договора (8 лет) царизм очутился в полной изоляции»¹⁵.

В изложении маститых турецких историков акцент делается на следующих моментах: «Поскольку Франция поддерживала Мехмеда Али пашу, а Англия не проявляла никакого интереса к этим событиям, Махмуд II вынужден был просить помощь у царя Николая I. Российский флот вошел в проливы и высадил войска в Бейкозе (5 апреля 1833 г.). Вмешательство России привело в движение Англию и Францию, и в конце концов было предотвращено дальнейшее продвижение египетских сил». Махмуд II и «мятежный египетский правитель расценивали соглашение в Кютахье как временное перемирие, отложив окончательные расчеты на будущее. Ункяр-Искелесийский договор (8 июля 1833 г.), заключенный с Россией, которая охотно пришла на помощь, вынудив принять это как свершившийся факт обеспечила поддержку российских сил Махмуду II в случае, если губернатор Египта снова начнет действовать... Сумев закрыть проливы для противников и открыть их для себя, Россия установила нечто вроде протектората над Османской империей, став ее защитницей; это сильно обеспокоило Европу»¹⁶.

Английский писатель, журналист и историк Лорд Кинросс¹⁷ изображает ситуацию следующим образом: «...у Махмуда не было выбора, кроме как обратиться за помощью к своим старым врагам, русским. Всегда державшие войско и транспорт наготове, они без промедления откликнулись... Царские войска прикрыли Стамбул, расположившись на горе Гигантов в Скутари. Русские, единственные среди иностранцев, имели доступ к султану. ...Армия Ибрагима была исполнена решимости продолжить свое продвижение к Босфору. Однако, столкнувшись с вооруженным присутствием русских, Ибрагим благоразумно решил вместо этого вступить в переговоры от имени своего отца. Тем временем британское и французское правительства с запозданием отреагировали на опасность со стороны русских... В отдельном соглашении, Ункяр-

¹⁵ Там же. С. 433, 431, 436.

¹⁶ История Османского государства... С. 68-69.

¹⁷ Кинросс. 1999.

Искелесийском договоре, султан обязался вступить с Россией в наступательно-оборонительный союз (о «наступательном» союзе см. выше у В.Н. Виноградова и у Муравьева. – *С.М.*), предполагающий уход России из Стамбула, но в то же самое время предоставляющий России секретной статьей договора право на свободный проход в любое время ее военных кораблей через проливы. Это была привилегия, в которой было отказано другим иностранным державам без согласия на то России. За Россией оставалось право, в случае, если это признавалось необходимым, высаживать русские войска на берегах Босфора»¹⁸.

Кэролайн Финкель также отмечает, что султан «был вынужден обратиться за помощью к царю Николаю, и в феврале 1833 года русские создали плацдарм в районе Босфора... В июле был подписан так называемый пакт... Ункар-Искелийский договор. ...Дьявольским коварством стала часть секретной статьи этого договора, по которой турки, в сущности, соглашались закрыть Дарданеллы для военных кораблей третьих стран в том случае, если об этом их попросит Россия. ... [это] стало для Британии предметом особого беспокойства»¹⁹.

Джейсон Гудвин описывает ситуацию так: «Султан обратился за помощью к единственной державе, которая могла противостоять Египту, – к своему злейшему врагу, Российской империи. Весной 1833 года русские войска заняли Константинополь, чтобы обеспечить оборону города. ...Россия добилась соглашения, по которому в случае войны Босфор оказывался закрытым для европейских военных судов, что очень обеспокоило Францию и Англию. Эти события породили долгое эхо, напоминавшее о себе до самого конца существования Османской империи»²⁰.

Итак, разброс мнений довольно значительный. Одни авторы говорят, что турецкое правительство обратилось за помощью к России, тогда как в турецкой и западной историографии речь идет о том, что Россия навязала Турции Ункар-Искелесийский договор, вынудила его принять, что опровергается советскими и российскими историками, доказывающими, что идея оборонительного союза исходила от Турции и, более того, Орлов отклонил попытки турок договориться о наступательном союзе.

Представленные ниже материалы из мемуаров Н.Н. Муравьева позволяют глубже разобраться в историографической разногласии и пролить свет на роль в событиях самого генерала.

¹⁸ *Кинросс*. 1999. С. 508-510.

¹⁹ *Финкель*. 2012. С. 608-610.

²⁰ *Гудвин*. 2012. С. 369.

Мемуары представляют собой личное восприятие непосредственного участника описываемых событий. Это та призма, через которую преломляется все виденное и услышанное Муравьевым. Для сохранения духа времени орфография подлинника сохранена, комментарии минимальные. Следует принять во внимание, что дневниковые записи редактировались автором по прошествии многих лет. А это, естественно, не могло не сказаться на характеристиках и оценках действующих лиц, как и на изображении «себя любимого» в исторической «картине маслом», в которой кисть Муравьева играла далеко не последнюю роль.

III. Книга Муравьева начинается с того, что о поражении турок от египтян и «быстром движении Ибрагима-паши к теснинам Тавра» в Петербурге стало известно в октябре 1832 г. По версии Муравьева, один только государь прозорливо «постиг последствия, которые могли произойти от ослабления Порты после Адрианопольского мира (1829 г. – С.М.). ...Он один, и вопреки всеобщего мнения, увидел необходимость совершенно изменить относительно Турции политическую ситуацию, существовавшую со времен Петра Великого» (с. 1).

Министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде вкратце объяснил генералу «поручение Государя, заключавшееся в передаче угрозы от имени Его Величества Египетскому паше, дабы тем остановить быстрые успехи его в военных действиях». По мнению генерала, министр был всего лишь «исполнителем... мыслей Государя, коих пользы, он, казалось, не признавал». Через несколько дней Муравьев получил письменное «наставление», которое «было болтливо: наполнено извортливими выражениями, неопределенностями и двусмысленностями, как обычно пишутся у нас дипломатические бумаги». Инструкция, которую он получил от Нессельроде, предписывала убедить султана в том, что «мы принимаем участие в делах его, единственно с намерением вмешаться в дела Востока; что мы, соревнуя Англичанам, у коих уже султан просил пособия, стараемся предупредить их» (с. 3-5).

Поручение «заключалось в двух предметах: во-первых, убедить султана в искренности нашего Двора, и, во-вторых, склонить пашу Египетского к миру». Муравьеву предписывалось «поставить на вид султану, что Государь, не допуская в своих делах участия посторонних держав, не домогается также участия в делах чужих, и подтвердить собственные выражения Его Величества, помещенные в письме к султану, что – Он “враг возмущения и верный друг султана”. Это же выражение я должен был передать и паше Египетскому». Муравьеву «ставили на вид, что поручение (к египетскому паше. – С.М.) ...не состояло в дипломатических переговорах, но что предметом его было одно слово Государя, которое через

посредство» генерала «должно было поразить пашу и внушить ему благие намерения». Следовало требовать немедленного прекращения военных действий на суше и на море, а если паше даже и удастся «свергнуть султана, то Россия поддержит силой оружия права, приобретенные договорами ее с Портой» (с. 5), согласно Адрианопольскому трактату.

Активное участие графа А.Ф. Орлова «во всем, что тогда... лично касалось» Муравьева и его поездки, навело последнего на мысль, что Николай I планировал послать графа, но тот, «уклонившись от сего посольства, сомнительного в успехе и сопряженного с трудами, предложил меня... как человека, более знакомого с делами Востока». К тому же Орлов говорил, что «сам не постигает цели, и какого можно ожидать... успеха, но что на сие была... воля Государя» (с. 7).

3 октября Николай I принял Муравьева и, наставляя его, говорил, что «надобно защитить Константинополь от нашествия Мегмед-Али. Вся эта война ничто иное, как последствие возмутительного духа, овладевшего ныне Европой и в особенности Францией. Самое завоевание Алжира есть действие беспокойных голов, которые к тому склонили бедного Карла X-го. Ныне они далее распространили влияние свое и возбудили Египетскую войну... Надобно низвергнуть этот новый зародыш зла и беспорядка, надобно показать влияние Мое в делах Востока» (с. 10-11). Во время беседы с императором Муравьев предложил «склонить Персиян к войне с Египтянами... и тем отвлечь внимание их от Турции», но идея не была поддержана. Государь заявил, что не хотел бы «посылать войска» и желает, чтобы распря их кончилась. Султан-Махмуд корчит Петра Великого, да неудачно... Мне очень выгодно, чтоб он сидел на турецком престоле», так как среди «Моих Крымских Татар... распушены песни с пророчествами о скором прибытии Мегмед-Али-паши, как заступника православных (надо: *правоверных*. – С.М.) Мусульман», в связи с чем в Крыму «надобно будет усилить... число войск» (с. 10).

Примечательны два сообщения Муравьева. Первое связано с подозрением царя, что «султан склонен к принятию, в случае крайности, христианской веры», о чем государь предупредил генерала на тот случай, если тот в разговорах с султаном услышит или заметит что-либо подобное. «Наконец если б он [султан] был изгнан из своего царства, то он найдет у Меня приют», заключил Николай I. В сноске Муравьев отмечает: «По возвращении моем из Турции, я заметил, что Государь изменил свой образ мыслей на сей счет; обращение султана в христианство казалось Ему делом несбыточным и даже недоступным» (с. 12). Стоит попутно заметить, что Махмуд II – султан-реформатор воспринимался турками как «султан-гяур», то есть султан-неверный.

Второе сообщение генерала связано с письмом князя Эриванского о том, что ныне «может быть, настало время Турецкой империи разделиться на два царства», на что Николай I ответил, что не следует «входить в разбирательство их ссоры... Мне все равно, даже если б Египетскому паше была уступлена вся Сирия» (с. 12-13).

«Милостивый прием Государя возбудил» в Муравьеве «ревностное желание исполнить в точности веление Его» (с. 13). 1 ноября он получил инструкцию и запечатанное письмо от императора к султану и дополнение к инструкции от Нессельроде. «Из всех приложенных... бумаг, – сообщает генерал, – легко усматривается, что Министерство Иностранных дел совершенно устраняло себя от какого-либо официального участия в сем деле и не принимало на себя никаких с пашою письменных сношений», которыми бы Муравьев признавался доверенным лицом Его Величества. Генерал должен был подписать и саму декларацию, в которой Адрианопольский трактат не упоминался, «как бы во избежание последствий от предвидевшейся неудачи, которых никто на себя не хотел принять» (с. 14), т.е. декларация была слабее инструкции.

Посольство готовилось в тайне. Впрочем, в «министерствах ничего не может остаться в тайне, и самые важные государственные дела вскоре становятся известными; всего более надобно опасаться от Министерства Иностранных дел, наполненного иноземцами, коих нескромность легко могла отозваться в Царьграде и Александрии...» (с. 9). Об истинной цели посольства в Петербурге ходили разные слухи – «в малосведущем круге заключали розно: одни говорили, что я буду предводительствовать десантом, который пойдет в Сирию через Анатолию; другие назначали меня главнокомандующим турецкой армией; некоторые думали, что отправляюсь в Грузию; наконец иные полагали, что еду для принятия начальства в Греции, до прибытия короля Оттона» (с. 20). Чтобы скрыть истинный маршрут следования генерал взял две подорожные – одну до Твери, а другую в Тульчин и 5 ноября 1832 г. в полночь покинул Петербург.

Путь был не близкий – через Одессу в Севастополь, затем по морю, и только ночью 9 декабря Муравьев достиг берегов Турции, пересел с фрегата в гребное судно и отправился в залив Бююг-Дерэ [Буюк-Дере], где находился дом российского посланника Бутенева, принявшего «деятельное и полезное участие в тогдашних делах Турции и Египта» (с. 26). Бутенев сообщил генералу последние известия и слухи о состоянии дел в Турции. «Это было в самое время поражения [21 декабря] великого визиря под Кониею» (с. 29). Муравьев сообщает: «Еще до приезда моего в Царьград, везде знали, что вскоре должен прибыть посланный от Госуда-

ря генерал, которого султан ожидал с нетерпением, и потому ежедневно присылал в миссию – узнавать, не приехал ли я», т.е. в Петербурге тайну не сохранили, и Муравьев даже называет предполагаемых виновников...

Перед Бутеневым и Муравьевым стояла трудная задача: «Порте надобно было вселять доверие, между тем не принимать без приглашения участия в делах ее; надобно было представить ей о предложенной помощи флотом, но не предлагать его. Египетского пашу надобно было страшать и застрашить, но чем? – неизвестно; надобно было грозить, но обойтись ласково и одними убеждениями». Кроме того, «нужно было решить, следует ли при первом свидании с турецкими сановниками объявить им» о готовности Черноморского флота к отплытию, «по требованию султаном помощи» (с. 30-31). Последующее развитие событий показало, что посланник и генерал успешно справились с возложенной на них миссией.

Муравьев сообщает, что в Стамбуле европейские поверенные в делах, в особенности французский («действовал скрытно и вопреки наших намерений»), «много заботились, чтобы выведать цель» его приезда, «которую турецкое правительство от них сначала скрывало, потому что мало доверяло французскому представителю, домогавшемуся склонить Султана к уступке Сирии Египетскому паше» (с. 50).

15 декабря во время аудиенции у султана Муравьев вручил ему письмо государя и дословно сообщил, что именно Николай I поручил сказать Мехмеду-Али: «Государь – враг мятежа и друг вашего величества; что если паша, упорствуя в неповиновении вам, станет продолжать военные действия, то он будет иметь дело с Россией» и что генерал не должен «входить в какие-либо переговоры с восставшим пашей», так как от Мехмеда-Али требуется верноподданническое повиновение своему законному государю – султану, что очень обрадовало последнего (с. 54).

Через два дня после встречи с султаном Муравьев договорился о совещании с сераскиром Хозрев-пашой и реис-эфенди Экифом-эфенди для того, чтобы «склонить министров Порты к... согласию... об отправлении... [его] в Египет». Турецкие министры не препятствовали ехать в Александрию, но «предоставляли, по-видимому, нам действовать совершенно независимо от них, как бы опасаясь участия нашего в делах Турции». Они опасались, «как видно было, противной стороны, подстрекаемой Французской миссией, которая овладела умом правителей и которой отчасти вторила Английская миссия» (с. 62-65). На этом совещании и на следующий день у сераскира Муравьев предложил свой план военных мероприятий против египетских войск Ибрагим-паши как на суше, так и на море, а также по обороне Царьграда (с. 66-72).

После долгих проволочек со стороны турок 23 декабря Муравьев наконец-то покинул Царьград (с. 77). Новый год он отметил на фрегате и 1 января 1833 г. прибыл в Александрию. При входе в порт «никаких взаимных салютов с чьей-либо стороны не было сделано. Обоюдное молчание наше достаточно обнаружило всем, что российский фрегат прибыл не с дружжелюбными предложениями». Кроме того, генерал, «по званию своему, не считал себя обязанным отдать почести турецкому флагу в руках мятежника». Добавим, что, отправляясь из Петербурга, Муравьев забыл запросить министерство «каким флагом... должен пользоваться по званию», возложенному на него, «а потому и не имел никакого» (с. 89).

В Александрии тосканский консул Россетти предложил свои услуги, надеясь получить место генерального консула России в Египте. Муравьев не сомневался, что «он поспешил приехать... под видом частного посетителя, по приказанию самого Паши» для выяснения цели его приезда. Пытаясь выведать нужную информацию, Россетти сообщил, что накануне прибыл французский бриг «Дракон», привезший французскому консулу Мимо (Mimaut) известие о скором прибытии русского генерала с депешей к Мехмед-Али-паше. Вслед за Россетти приехал итальянец Скилецци, «человек темный и безгласный», сообщивший о привезенном французским бригам слухе, что «из России идет на помощь Султану 500 т. войска, и будто слух сей много тревожит Египетского пашу» (с. 86-93). Думается, что этот слух мог способствовать успеху миссии генерала. Приезжал на фрегат и капитан одного египетского линейного корабля англичанин Прессик, превозносивший «устройство, как сухопутных, так и морских войск Паши, коих силы он преувеличивал без меры...» (с. 93). Не исключено, что это был один из вариантов «борьбы слухов».

2 января Муравьев встретился с Мехмед-Али-пашой и устно сообщил ему волю Николая I. Паша «с замешательством просил... сообщить ему о предмете приезда... письменно», на что генерал отвечал, что не может «того сделать, потому что самое поручение дано... Государем лично и изустно и что цель его заключается не в чем ином, как в изъявлении желанья Его Величества водворить мир на Востоке, для чего Паше должно прекратить кровопролитие и приступить к мерам примирения с Султаном» (с. 95). Паша попросил время подумать.

По настоянию Муравьева, следующая встреча с пашой состоялась 4 января, во время которой он с большей настойчивостью повторил слова императора. Встревоженный паша тут же в присутствии генерала велел написать сыну Ибрагиму-паше приказ о немедленном прекращении военных действий, приложил к нему печать и велел приказ быстрее отправить. Видно было, что паша согласился вопреки собственному

желанию и просил 20 дней, чтобы приказ достиг всех частей его войск, объяснив это тем, что не хотел бы «ответствовать перед Государем... за все то, что могло бы случиться до 21 дня, считая с сегодняшнего, после этого же срока, я принимаю уже на себя ответственность малейшего движения войск». В ходе дальнейшей беседы (как и во время следующих встреч) паша неоднократно просил «покровительство России в предстоящих ему переговорах с Султаном». На что Муравьев отвечал, что никакой речи о посредничестве быть не может. «Хитрые речи паши» дали генералу повод «усомниться в немедленном отправлении приказа к войску», и он употребил все меры, чтобы удостовериться, что «повеление... было послано в тот же день с летучей почтой, сухим путем через Сирию; а на другой день отправлен дубликат» (с. 108-117).

Цель миссии была достигнута и дела Муравьева в Египте были окончены, но ветер не позволял отплыть обратно в Стамбул, и он воспользовался промедлением, чтобы «отдать консулам сделанные» ему визиты и «увидеть несколько Александрию». Вечером он поехал к паше, который снова просил «ходатайства, чтобы Султан его пощадил», но «получил тот же ответ, который прежде слышал по сему случаю» (с. 127).

6 января уже на выходе из гавани Муравьев получил известие, что «в последствие какого-то сильного брожения умов, оказавшегося в столице, Султан решился немедленно отправить в Египет Галиль-пашу с полномочием для переговоров и заключения условия, от чего Мегмет-паша был в восхищении». Генерал сообщает о слухах, которые ему доставили в тот же день с берега: «в кофейных домах... толковали, что Государь убедил будто через меня Мегмет-Али к миру, и что я при этом случае выговорил у него во владение России остров Кипр и Иерусалим. При дворе Паши говорили, что Султан заключил чрез мое посредство с Россией трактат оборонительного и наступательного союза, чего он сам весьма желал; но что при рассмотрении дела в Государственном Совете, улемы (духовные лица) не согласились и изорвали трактат, что и побудило Султана послать Галиль-пашу в Египет» (с. 128-129).

Приезд Галиль-паши и невозможность отплыть из-за ветра были неприятны Муравьеву, так как невольно делали его свидетелем «торжества Мегмет-Али, предвидевшего скорый приезд турецкого сановника, о котором он... постоянно твердил». Навестившие генерала австрийский генеральный консул Ачерби уведомил «об условии, заключенном Пашей с двумя английскими купеческими судами, коими они обязались перевозить войска и снаряды в Тарсус», и о том, что «подобные договоры были сделаны Пашой с шестью австрийскими и несколькими греческими купеческими судами, и что даже после отъезда консула нашего Лавизона из

Александрии, два судна под русским флагом перевозили войска Пашы в Тарсус. Так употребляют во зло покровительство нашего флага, даваемое итальянцам, Перотам (жителям Перы. – *С.М.*) и франкским промышленникам Леванта». Муравьев резюмирует: «И так дело снова завязывалось. Я не мог оставить сего случая без дознания причин, побудивших Пашу к новому отправлению войск». Желая проверить эти известия, Муравьев встретился с английским консулом Баркером, который заверил его, что посадка войск на суда была приостановлена и что приказано было только нагружать их хлебом. Однако Ачерби уверял, что паша «уже не 3 т. человек посылал в Малую Азию, а 5 т., и сказывал об узнанном им от капитана австрийского корвета, видевшегося с Галиль-пашей, что Султан уступал Паше Сирию; но что Французы, не довольствуясь в требованиях своих за Пашу... настаивали, чтобы и самая Адана была отдана Египтянам; что Паша рубил без пощады корабельные леса в Карамании и требовал английских судов для перевозки их в Египет» (с. 130-136).

Не желая оставлять без внимания слухи об отправлении войск, Муравьев 8 января отправляется к паше и предлагает объяснить «как представить Государю о вашем поступке, который всячески должен удивить Его величество?». Оправдываясь, паша отвечал, что «эти люди не составляли батальонов, а что они принадлежат к разным командам солдат, оставшихся от выступивших войск, что он не знал куда с ними деваться в Александрии, а потому и отсылает их к своим полкам, и в доказательство того прибавил», что среди них нет ни одного унтер-офицера, но затруднился назвать точную цифру посланных (с. 139). Разговор завершился фразой генерала, что «после примирения Паше предстоит служить государю своему (султану. – *С.М.*) опытными военачальниками» (С. 143).

Галиль-паша вести о себе, он не привез даже никаких бумаг из Стамбула, в силу чего Муравьев рассудил, что не следует искать встречи с ним и избегал участия в переговорах, оставаясь свидетелем происходящего: «Я не мог исправить ошибочного направления, данного ему (Галиль-паше. – *С.М.*) Портой, по внушениям Французов. Не переменяя первого намерения моего – вслед по достижении цели своей оставить Египет, я в ожидании попутного ветра заботился только о сохранении приобретенного влиянием угрозы, когда еще не было слуха о приезде Галилия» (С. 147). 10 января генералу доставили письмо от Россетти с извещением о вероломстве турецкого двора, о том, что «французская миссия из Константинополя прислала с Галиль-пашой к Мимо письмо, в коем заключалось другое на имя Мегмет-Али от 28-го декабря (по старому стилю). Галиль-паша на встрече с пашей вручил ему «какую-то грамоту, зашитую в

шелковый мешочек. Последний принял ее, поцеловал и приложил к голове». В этих письмах значилось, что Порты, склоняясь на убеждение французской миссии, возобновляет предложения о мире с просьбой к этой миссии, исключительно принять на себя переговоры» (с. 144, 148).

11 января при попутном ветре фрегат Муравьева, сопровождаемый бригам под командованием брат посланника Бутенева, наконец-то отплыл в Константинополь, не дав салюта: «...фрегат наш отплыл с теми же знаменами угрозы, с коими явился в Александрийский порт, молчалием напоминая Паше о сделанных им обетах. Сим кончились действия мои в Египте. Хитрая изворотливость в речах Мегмед-Али свидетельствовала, сколько ему было неприятно и тяжело покориться воле Государя. ...Царьград был спасен, – Султан удержался на престоле; но он заплатился своей Сирией и Аданою за опрометчивое послание Галиль-паши и за недоверчивость свою к покровительству России» (с. 149-150).

26 января австрийский интернунций письменно известил Бутенева, что «Ибрагим-паша получил повеление от отца остановиться в движении своем к Царьграду, и что он действительно остановился в Кютаиз». Следующая запись Муравьева гласит: «Я с удовольствием увидел, что поручение мое в Египте имело полный успех и Мегмет-Али сдержал свое слово. ...Направление умов и дел было совершенно иное в сравнении с тем временем, как я оставил Царьград. Недоверчивость Турок к нашему правительству, если не совершенно исчезла, то, по крайней мере, уменьшилась. Таким образом помрачилось тогда влияние Франции в делах Порты и намерения Государя восторжествовали. Блистательный успех сей принадлежит вполне деятельности и умению Бутенева» (с. 156-157).

27 января Муравьев вместе с Бутеневым едет на «конференцию» к рейс-эфенди. Их приняли в присутственном здании Порты «на половине Пертев-эфенди, Министра Внутренних Дел, – закоснелого врага Русских». Выслушав генерала, поставившего «на вид важность достигнутого успеха, – прекращения военных действий», оба министра «стали сперва отказываться от морского пособия (эскадры и десанта. – С.М.), ими требуемого, а после и от сухопутного (войска. – С.М.), говоря, что после обещаний, данных египетским пашой, в них не предстояло более надобности. ...Бутенев, видя двуличное поведение их, отозвался, что отправление войск на помощь Турции, в самом деле, было сопряжено с большими затруднениями и потребовал от них письменного отказа, что Рейс-эфенди и обещал сделать». Вечером состоялась и встреча с Сераскиром, который «был рассудительнее министров» (с. 159-161).

28-го числа Муравьев и Бутенев навестили английского поверенного в делах Мандевила, прусского посланника барона Мертенса, которого

генерал знал «за орудие Французов», и тот изложил гостям свою версию прекращения военных действий, присовокупив, «что это было последствием... настояний» не генерала, а «прибытия Галиль-паши в Александрию». Уязвленный Муравьев замечает: «Ложное известие, сообщенное Мертенсом, было началом козней французской миссии, завидовавшей влиянию России над Пашой. Козни эти, к сожалению, пустили ветви» в самую столицу нашу и, как кажется, в кабинет Государя. И зависть иностранной миссии обратилась в личную зависть некоторых особ ко мне, по случаю удачного окончания дел в Египте» (с. 161-163).

29 января Муравьев и Бутенев встречались с Мушир-Ахмед-пашой – начальником всей гвардии и любимцем султана (после заключения договора 1833 года был посланником в России) – речь шла об ожидаемом прибытии российской эскадры, о предпринятых турками оборонительных мерах (с. 165-167).

5 февраля прибыл французский посол, вице-адмирал барон Руссен на фрегате «Галатее». Бутенев получил от рейс-эфенди «давно обещанную меморию», в которой он просил отменить прибытие флота, но предлагал «принять втайне... следующие меры. Содержать Черноморский флот в готовности с тем, чтобы он снялся с якоря тогда только, когда опять потребуетя. ...а для довершения всего, принять подобные меры относительно сухопутных войск, требуемых на помощь, с тем, чтобы войска сии немедленно тронулись и двигались по Дунаю, где и ожидали бы дальнейших наставлений от их приятеля г. посланника, которого приглашали вступить по сему случаю в сношение с генералом Киселевым». Бутенев просил Порту в дополнение к «мемории, уведомить его, как бы она полагала поступить, если б флот наш вдруг показался у верховья Босфора, его можно было ежечасно ожидать», так как сообщение о приостановлении отправки эскадры, посланное «сухим путем», уже не могло застать флот на якоре (с. 178-180).

Несколькими днями раньше (30 января) Муравьев и Бутенев были приняты султаном, который остался доволен результатами миссии генерала и просил его не уезжать в Россию «до совершенного окончания египетских дел» (с. 169-170). 7 февраля Муравьев уведомил Нессельроде о приглашении султана остаться и после этого прекратил официальные сношения с ним, так как окончив дело свое, в ожидании ответа из Петербурга, «участвовал в тогдашних дипломатических сношениях с Портой, более как частное лицо по доброму согласию, существовавшему между Бутеневым» и им. Военному министру Муравьев «донес также об окончании возложенного на меня поручения... тщательно предостерегая всех и в письмах и в депешах, чтобы не основывались на

словах Мегмет-Али-Паши» и не полагались на прекращение военных действий, которые он мог ежечасно возобновить» (с. 181).

Утром 8 (20) февраля 1833 г. «мы вдруг узнали, что эскадра наша показалась у верховья Босфора» (эскадрой, состоявшей из 4-х линейных кораблей, трех фрегатов, корвета и брига, командовал контр-адмирал М.П. Лазарев). Внезапное появление эскадры принесло пользу тем, что «поселило опасение в умах недовольных Турок; число судов во мнении народа было увеличено без меры, и в случае приближения Египтян, никто бы в Константинополе не осмелился восстать против Султана». В тот же день Махмуд II прислал Ахмед-пашу-мушира с изъявлением признательности за участие, принимаемое Николаем I в положении султана, но вместе с тем была высказана просьба отослать эскадру в «Сизополь, где бы она стояла в готовности и ожидании новых приказаний, прибыть в Царьград, в случае надобности» (с. 186). На следующий день Муравьев и Бутенев узнали об истинных причинах просьбы турок. «Не мнительность в отношении к нам..., а опасение, чтобы Французы также не приняли участия в их делах. Руссен грозился им, что если они примут наше содействие, то он подвигнет Ибрагим-пашу к новым наступательным движениям». А 10 февраля Ахмед-паша-ферик, «по ограниченности своей, хвалился, что они взяли с французского посла письменное обещание склонить Мегмет-Али к принятию условий, предложенных Султаном, если Порты откажется от всякого вспомоществования других держав. Ферик признавал, что обязательство, данное Руссеном, было вынуждено присутствием эскадры нашей в Босфоре и находил, что появление ее принесло достаточно пользы» (с. 187-188).

О напряженности ситуации, в которой приходилось работать посланнику и генералу может свидетельствовать следующая большая цитата из мемуаров Муравьева: «13-го февраля Рейс-эфенди письменно уведомил Бутенева, что французский посол принял на себя довершение переговоров между Турцией и Египтом, присовокупив, что посол был извещен о согласии нашем возвратить эскадру в Сизополь. Министр ясно обнаружил участие вице-адмирала Руссена в сношениях наших с Турцией. Я никогда не видел рассудительного и скромного Бутенева в таком негодовании, как он был при получении сей ноты, ибо сердце его чуждалось вероломства и не терпело унижения. Бутеневу еще до того неприятно было видеть изменчивую политику Порты, и он с прискорбием за несколько дней [до этого] согласился на возвращение эскадры; но наглость турецкого правительства, отвергавшего таким образом испрошенное пособие, и возраставшая надменность Французов, хвалившихся влиянием, приобретенным ими в Порте – превышали всякую меру тер-

пения. Посланнику нашему предстояло избрать из двух одно: или следовать буквально повторенным наставлениям министерства, предписывающего отнюдь не навязывать Туркам вооруженного пособия, или, к стыду двора нашего, допустить дерзкие разглашения Французов, что они выслали флот наш из Босфора. Личные правила благородной твердости Бутенева в сем затруднительном случае восторжествовали. Он отвечал Рейс-эфенди, что хотя и не отказывается от данного обещания возвратить эскадру с первым попутным ветром, но не принимает ноты, в которой упоминается об участии какого-либо постороннего посланника в сем деле; что писать о том в официальной бумаге неприлично после великодушия, оказанного Государем, и что призыв эскадры и возвращение ее зависят от одного Султана. С этим ответом он приказал возвратить ноту к Рейс-эфенди и бросить ее к нему на софу, если б он не хотел принять ее обратно. Такой решительный поступок изумил Рейс-эфенди, который в извинение свое отозвался, что нота не им сочинена, а написана в Порте, и что в ней упоминалось о французском после без всякого умысла. Отважный поступок сей сделал тогда решительный переворот в делах политики. Турки не противоречили нам более, и с тех пор не вмешивали подобных обстоятельств в сношения своих с нами» (с. 190-191).

Повествуя о дальнейшем развитии событий, Муравьев сообщает: «В последних числах февраля получены депеши из Вены. Посланник Татищев уведомлял Бутенева, что Талейран, по случаю возникших дел в Турции, старался составить союз с Англией против России; но что сей союз был прерван действиями князя Меттерниха, и что, напротив того, Лондонский кабинет отправил, по примеру нашему, в Александрию полковника Кампбеля с поручением, подобным моему. Сему же примеру последовал и Австрийский двор, отправив в Александрию полковника Прокеша. И так Руссен пока действовал один, неосновательно обещающая золотые горы и Турецкому Султану и Египетскому Паше» (с. 201).

О раскладе сил в Османской империи красноречиво свидетельствует сюжет с медалями. Во время посещения российскими флотскими офицерами монетного двора (25 февраля) султан приказал в присутствии Лазарева выбить золотые и серебряные медали «в воспоминание» о присылке эскадры Николаем I. На одной стороне медали изображался вензель султана, а на другой турецкий герб – луна со звездой. «Медали сии тогда же были разосланы, как памятник, для хранения всем русским офицерам, в то время находившимся в Царьграде. – Странное столкновение противоположных мыслей и действий в турецком правительстве, где на каждом шагу видна борьба Порты с Султаном! В сем случае мнимый самодержец восторжествовал. Он не только призвал, вопреки общего мнения, союз-

ников, но даже всенародно ознаменовал торжество бесславного союза – последнего убежища своего» (С. 203) чеканкой медали.

1 марта Бутенев получил письмо Нессельроде, ознакомившись с которым, Муравьев пишет: «...мне казалось, что правительство, видя влияние Французов, несколько изменяло твердости, показанной в начале. По получении... первых известий о новом союзе, устраивавшемся между Англией и Францией против России, министерство не дождалось последующих известий... об отвержении Англией сего союза, и немедленно поручило послу нашему в Париже, графу Поццо-ди-Борго, сообщить Французскому правительству, что мы нисколько не будем противиться стараниям его о восстановлении мира в Турции...». Завершая, генерал с горечью замечает: «Государь исключительно родил мысль о поддержании Турции. России одной принадлежит право довершить дело сие. ...но сему не соответствовали мутные действия министерства, не давшего ходу сего дела последовательности, не развившего первоначальной мысли Изобретателя» (с. 206-207).

3 марта Муравьев получил через Одессу «повеление военного министерства от 14-го февраля, коим оно уведомляло о движении войск сухим путем и морем в Турцию. Распоряжение сие было сделано в следствие первого требования Портой вспомогательных войск, когда я еще был в Александрии. Назначалось на первый случай, кроме Черноморского флота, два сухопутных отряда: один для высадки в Босфоре, а другой... для подкрепления способов обороны со стороны Константинополя. Первый из сих отрядов поручался моему начальству...» (с. 208-209). Сообщалось и о подготовке десанта... «По соединении десантного отряда с сухопутным, генерал-адъютант Киселев принимал главное начальство над всеми войсками, и я поступал в команду его. До того же времени, я обязан был посылать донесения свои прямо к военному министру, а Киселеву только для сведений» (с. 211). В «повелении» предписывалось, как должны действовать войска и т.д.

«Распоряжения сии сохранялись еще нами в тайне, когда Рейс-эфенди пригласил нас троих (Муравьева, Бутенева, Киселева. – С.М.) на совещание, в намерении объявить нам о желании Султана, чтобы флот наш возвратился, на что он имел, как мы после узнали, от Султана письменное повеление, вынужденное настояниями вице-адмирала Руссена». Ненужность флота Рейс-эфенди объяснил тем, что «флот мало мог сделать препятствия Ибрагиму, если б он пришел в Скутари». Бутенев объявил ему о скором прибытии вспомогательного войска, «чем и прекратилось наше заседание». Чтобы «слух об ожидаемом десанте не распространился через Турок, я от Рейс-эфенди немедленно поехал к

Сераскиру и объявил ему эту новость. Умный старец тотчас смекнул, что уже поздно было бороться против таких усиленных мер дружбы (метко сказано. – С.М.) и скрыл свое удивление» (с. 212).

«8-го числа барон Штюрмер, живший в Пере, приезжал к нам и показывал списки с наставлений, данных отправленным в Египет: Английскому полковнику Кампбелю и Австрийскому подполковнику Прокешу. Оба должны были изъявить Мегмет-Али-паше неудовольствие дворов за возмущение его против Султана; но ни в той, ни в другой инструкции незаметно было угроз, – ограничивались одними убеждениями и советами» (с. 215-216). Понятно, что генерал был сторонником иных мер воздействия на египетского пашу.

Не вдаваясь во все сложные перипетии умиротворения паши и его воинственного сына Ибрагима, подробно освещенные Муравьевым, кратко остановимся на событиях заключительного этапа, о которых генерал пишет: «...из Александрии, доходили до нас сведения, что мир уже был заключен на условиях, предложенных Египтянами». 23-го числа сераскир и Ахмед-паша-мушир подтвердили, что «Порта точно заключила мир на этих условиях, но что Карамания отдана не Мегмет-Али, а Ибрагим-паше, ...не в виде владения, но на откуп, с тем, что Султан вправе, когда ему угодно, отдать Караманию другому». Когда Муравьев спросил турок, «почему заключение мира было скрыто от нас столь долгое время... Они уверяли..., что договор этот был утвержден Султаном не более двух или трех дней тому назад...», и сказали, что рейс-эфенди незамедлительно уведомит Бутенева о заключении мира (с. 326-327).

6 мая в Стамбул прибыл граф А.Ф. Орлов, назначенный полномочным послом при султанском дворе и начальником сухопутных и морских сил, находившихся в Босфоре. «Ему разрешено было объявить, кому сочтет за нужное, войну и, в случае надобности, открыть военные действия с находившимися у него под рукой войсками». Корпус генерал-адъютанта Киселева подчинялся ему «в случае движения, не взирая на то, что Киселев был в чине старше его» (с. 329-330). «Ахмед-паша лично передал Графу первые положительные известия о заключении мира». Орлов «изъявил удовольствие Государя за все нами сделанное до тех пор; но как будто упрекал в том, что Турки заключили мир без нашего согласия» (с. 331). Особо следует отметить, что прибытие Орлова и его упрек резко изменили прежний боевой настрой генерала, в связи с чем в мемуарах появляется следующая запись: «Упадок звания моего, устранение от политических дел, борьба, с которою я должен был поддерживать власть свою, а всего более неудовольствия, которые я предвидел в

случае военных действий – все это было для меня неприятно, не предвещало ничего доброго в будущем, и служебные занятия опостытели мне. Мое намерение было уклониться от дел. Я не сообщил никому мысли своей; но Орлов сам заметил неприятное впечатление, произведенное неожиданным прибытием его. Он вскоре умел изгладить его обращением своим и восстановить порядок, гласно показывая доверенность ко мне» (с. 333-334), определив сферы деятельности и фронт работ.

Скучать не приходилось. «Едва кончалась завязчивая ссора между Султаном и Египетским пашей, как новые заботы обратили на себя внимание дипломатического сословия». В Смирну прибыл французский флот, «из Англии уже отправилось восемь линейных кораблей в Левант и соединенные флоты сии должны были, как говорили, двинуться к Дарданеллам». Муравьев сообщает, что 10 мая к нему приехал сераскир (непонятно, почему к нему, а не к Орлову?) и известил, «что Ибрагим-паша занял войсками Кесарию, лежащую вне дороги отступления его в Сирию, как бы грозясь двинуться к границам Грузии... Казалось, что война вновь завязывалась... В народе вообще господствовало какое-то поверье, что дело решится только с совершенным падением Турецкой империи». Но в тот же день было доставлено первое положительное известие о начавшемся отступлении Ибрагим-паши (с. 337-340) за Таврские горы.

С опозданием к острову Тенедос прибыло три английских линейных корабля, о чем в Стамбуле стало известно 13 июня. «Мы заметили, что английский военный пароход несколько раз приходил в Босфор и останавливался против дома лорда Понсоби». Английский адмирал настоятельно требовал разрешения войти в Босфор с эскадрой, и даже намеревался «сделать вторжение это без всякого разрешения, но был удержан в своем намерении единственно убеждениями Понсоби. В противном случае легко могла бы возгореться всеобщая война в Европе» (с. 399).

Египетско-турецкое перемирие было заключено 14 мая 1833 года в ставке Ибрагима в Кютахье при содействии французских дипломатов. Судя по «Запискам» Муравьева это больно ударило по самолюбию автора, фактически добившегося нужного результата раньше французов, причем на более выгодных для Турции условиях. Теперь же Османская империя передала под управление Мехмед Али-паши Египет, Крит, Дамаск, Джидду и Адану. Генерал отмечает, что когда были получены официальные известия об отступлении Ибрагим-паши, Орлов послал капитана барона Ливена, а турки, по предложению графа, одного полковника «для следования за египетской армией до Таврских теснин... Мера сия была не столько нужна для удостоверения нашего, сколько для показания, что

египетское войско как бы выпроваживалось под наблюдением русского офицера, чего не сделали ни Французы, ни Англичане» (с. 364). 24 июня (6 июля) султана известили, что египетские войска покинули Анатолию. «Мир был заключен; но Султан, в объявлениях своих, назвал это не миром, а прощением, дарованным восставшему. Он наградил еще Мегмет-Али за мнимую покорность – Сирией, а Ибрагим-пашу – Аданою, прежде чего повинившиеся и не хотели отступить. По получении требуемого, Ибрагим удостоил Султана благодарным письмом, которое было тщательно разглашено последним» (с. 364-365) – каждый играл свою игру.

25 июня (7 июля) Орлов «уведомил падишаха об уходе последнего египетского солдата за Твырский хребет и “испросил” разрешения на возвращение домой экспедиционного корпуса», которое немедленно и получил. Граф оставался еще два дня в Буюк-Дере и «был на частной аудиенции у Султана, от коего получил письмо к государю, и после того отправился в Одессу на отдельном от флота... корабле», увозя долгожданный договор. Сразу после известия о том, что войска Ибрагима-паши ушли из Анатолии, началась эвакуация российского десантного отряда. 28 июня «поутру, нагруженный войсками флот, снялся с якоря и при благоприятном ветре вышел из Босфора с салютационной пальбой». Так кончилась, – пишет Муравьев, – «экспедиция наша на Босфор. Последствием ее был оборонительный союз между Россией и Турцией, заключенный графом Орловым с сераскиром» (с. 430-431).

Редакция договора была подготовлена в Петербурге и одобрена императором. «Никогда ни одни переговоры ни велись в Константинополе с большею тайной, ни окончены с большей быстротой»²¹. Договор был заключен 26 июня (8 июля) в Ункяр-Искелеси. В заключении соглашения о дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией участвовали А. Орлов и А. Бутенев, с одной стороны, и великий визирь Хюсрев Мехмед паша, начальник султанской гвардии маршал Февзи Ахмед паша и министр иностранных дел Хаджи Мехмед Акиф эфенди – с другой²². В.Н. Виноградов охарактеризовал это событие как «взрыв дипломатической бомбы», отметив, что при подписании договора «Орлов вежливо, но твердо отклонил попытки своих турецких собеседников договориться о наступательном союзе»²³.

Договор состоял из шести статей и секретной дополнительной статьи, содержание которых хорошо известно, и поэтому нет смысла при-

²¹ История дипломатии. Т. I. С. 416.

²² Ункяр-Искелесийский договор... (dic.academic.ru).

²³ Виноградов. 2010. С. 262-264.

водить их здесь. Отметим только, что как пишет Муравьев: «Иностранцы называют договор этот по названию Султанской долины, близ коей стоял лагерь: *Traite d'Unkiar-Scelessi*, как бы в упрек того, что договор написан под влиянием нашего оружия... иностранцев всего более оскорбляла секретная дополнительная статья, по коей воспрещалось военным судам их входить в Дарданеллы. Англичанам, в особенности... так неприятна, что они вскоре после заключения договора требовали от нас к запретительному условию дополнения, по коему бы равно и нашим военным судам был воспрещен выход через Геллеспонт в Средиземное море, на что... мы и согласились» (с. 431–433).

Особого внимания заслуживают суждения Муравьева об оборонительном союзе, якобы закрывающем Черное море от вторжения иностранцев. В доказательство ошибочности такого мнения генерал приводит три основных довода. Сейчас сложно определить, когда именно эти доводы созрели у генерала – сразу по заключении союза, чего нельзя исключать, принимая во внимание тактические и стратегические способности Муравьева, или по прошествии времени, когда рукопись готовилась к изданию. Думается, в любом случае они верны. Доводы генерала заключаются в следующем (цитата приводится почти целиком):

«1. Турецкое правительство никогда не будет в состоянии знать заблаговременно об угрожающей ему опасности, и потому нельзя даже будет обвинять Порту в лживости расположения ее к нам, если она не позовет нас вовремя на помощь.

2. Турецкий флот, по бездеятельности и слабости своей, не только не будет в состоянии противиться вторжению в Дарданеллы; но даже будет взят и присоединен к неприятельским силам для действия против нас.

3. Когда неприятельские эскадры, стоящие обыкновенно близ Смирны, захотят вторгнуться в Черное море, то они будут бомбардировать Одессу прежде, чем узнают в Петербурге о вторжении их, и войска наши не только не поспеют в Дарданеллы для обороны входа, но и не увидят Босфора прежде изгнания неприятеля из Черного моря...

Весь договор был написан без видимой обдуманности. Мелькали правдоподобие и возможность другой экспедиции; спешили кончить настоящую, опасаясь всеобщей войны в Европе, и думали положить основание будущего посещения нами Царьграда, трактатом, сделанным без всякого поручительства со стороны Турок; ибо они, до последнего дня падения своего, могли еще признавать себя в силах держаться без нашей помощи.

Со своей стороны, Сераскир, заключая условие секретной статьи, знал, что Дарданелльские замки не в состоянии помешать вторжению

неприятельского флота; но, давая высокую цену мнимым силам знаменитого пролива, уже давно пришедшим в ослабление, он делал нам удобное и, вместе с тем, имел с (надо “в”. – С.М.) виду скорейшее удаление наше. При том же, Порты всегда могла оправдаться в случае вторжения, несколькими выстрелами, пущенными с Дарданелльских батарей по неприятельским судам».

Муравьев признает, что «влияние наше сильно тяготело над политикой Турции, когда писали этот договор; Оттоманская империя была в состоянии одеревенелости, и царство Султана, направляемое тогда в действиях своих внушениями двора нашего, имело только признаки независимой самостоятельности. Такое положение было драгоценно; иностранные державы не могли обвинить нас в завоевании нового царства; нам не нужно было отделять особенных сил для удержания Дарданелл, а управлять силами самой земли, через посредство законных властей ее» (с. 433-434).

26 сентября 1833 года Муравьев приехал в Петербург, 27-го встретился с графом Орловым (с. 446-447). И уже 1 октября в Царском Селе Муравьев был принят императором, который отметил, что успех миссии способствовал заключению Ункяр-Искелесийского договора, и произвел Н.Н. Муравьева в генерал-адъютанты.

Подводя итоги изучения мемуаров Муравьева-Карского, можно констатировать, что «Записки» содержат богатейший материал по истории взаимоотношений Российской и Османской империй в 1830-х гг. Мемуары со всей очевидностью свидетельствуют, что идея оборонительного союза исходила от султана Махмуда II, обратившегося за поддержкой к «вечному врагу» – России, быстро пришедшей на помощь.

Мало кто верил в успех дипломатической миссии генерала, а он блестяще справился с поставленной задачей. Муравьев не только предвосхитил заключение перемирия между Османской империей и египетским пашой Мехмедом-Али, позже оформленного при посредничестве Франции, но и внес значительный вклад в подготовку и принятие оборонительного российско-турецкого Ункяр-Искелесийского союзного договора 1833 г., хотя в подписании его не участвовал.

Дальнейшее развитие событий показало, что договор на короткое время усилил позиции России в Османской империи, повысил ее престиж в Стамбуле, ослабил влияние западноевропейских держав на Турцию. Соглашение укрепило международные позиции Порты, защитило ее от нового нападения египетского паши и позволило заняться внутренними преобразованиями. Доводы Муравьева об отсутствии надеж-

ных гарантий безопасности Черноморского побережья оказались, к сожалению, вполне обоснованными. Несмотря на то, что двусторонний и никем не признанный договор признается высшей точкой дипломатических успехов России на Ближнем Востоке, он, как верно выразился В.Н. Виноградов, всего лишь обманчиво блеснул в дипломатической истории Восточного вопроса. На исходе срока действия договора (8 лет) Россия очутилась в полной изоляции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н.Н. Муравьева (Карсского). М.: Издание Чертковской библиотеки, 1869. б/п.
- Виноградов В.Н.* Двуглавый орел на Балканах. 1683–1914. М.: «Индрик», 2010.
- Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1978.
- Герой до востребования. URL: <http://www.lpgzt.ru/aticle/6531.htm>.
- Гудвин Дж.* Величие и крах Османской империи: Властители бескрайних горизонтов / Пер. с англ. М. Шарова. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2012.
- Европеус И.И.* Николай Николаевич Муравьев // Русская старина. 1874. Т. 11. № 9.
- История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М.: Изд-во: Эдиториал УРСС, 2012.
- История дипломатии. Т. I. От июльской революции во Франции до революционных переворотов в Европе 1848 г. (1815–1830 гг.). М.: ОГИЗ, 1941.
- История Османского государства, общества и цивилизации: в 2 т. Т. 1 / Под ред. Э. Исханоглу; Исследовательский центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICA); пер. В.Б. Феоновой под ред. М.С. Мейера. М.: Вост. лит., 2006.
- Кинросс, Лорд.* Расцвет и упадок Османской империи / Пер. с англ. М. Пальникова. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.
- Киреев Н.Г.* История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007.
- Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А.* Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012.
- Петросян Ю.А.* Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М.: Изд-во Эксмо, 2003.
- Ункяр-Искелесийский договор // dic.academic.ru.
- Финкель К.* История Османской империи: Видение Османа: [пер. с англ.]. М.: АСТ: Астель, 2012.
- Харлампий Политидис.* Русско-турецкое противоборство как определяющий фактор геополитических реалий Кавказа и Малой Азии // <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/analit.cgi?item=4r011226120543>.
- Широкорад А.Б.* Турция. Пять веков противостояния. М.: Вече, 2009.
- Муртузалиев Сергей Ибрагимович***, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; msihistory2000@yandex.ru.